

А. А. Зимин

СОБЫТИЯ 1499 г. И БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК ПРИ ДВОРЕ ИВАНА III

Одним из наиболее темных эпизодов политической борьбы в России конца XV в. являются события 1499 г., повлекшие за собою опалу виднейших политических деятелей этого времени князей С. И. Ряполовского и Патрикеевых.

«В лето 7007-го генваря князь великий велел поимати бояр своих, князя Ивана Юриевича з детми, да князя Семе[на] Ивановичя Ряполовского; и велел казнити князя Семена Ивановичя Ряполовского, отсекоша ему главу на реце на Москве, пониже мосту, февраля 5, во вторник; а князя Ивана Юриевичя пожаловал от казни, отпустил его в черньцы к Троици, а сына его князя Василия Ивановичя Кривого отпустил в монастырь в Кирилов на Белоозеро». Вскоре после этого «марта 21, в четверк, пожаловал князь великий Иван Васильевич всея Руси сына своего князя Василия Ивановича, нарек его государем великим князем, дал ему Великий Новгород и Псков, великое княжение»¹. Такова официальная трактовка событий 1499 г., содержащаяся в летописном своде 1518 г. (и в его предшественнике — своде 1508 г.).

В продолжении хронографа редакции 1512 г. сразу же после сообщения о коронации Дмитрия следует текст: «Велел князь великий поимать бояр своих, князя Ивана Юрьевича з детми, да зятя его князя Семена Ряполовского велел казнити, головы ссечи, а князя Ивана да сына его князя Василия в черньцы отпустил лета 7007 генваря. Того же лета князь великий Иван пожаловал сына своего князя Василья, а нарек его великим князем и дал ему Новгород Великий и Псков»². В данном случае известие хронографа восходит к своду 1508 г. (или одному из сходных).

Близок к своду 1508 г. и текст Вологодско-Пермской летописи. Здесь после краткой записи о том, как Иван III в феврале 1498 г. «посади на великое княжение внука своего, князя Дмитрея Ивановича», идет сообщение о «поимании» князя Ивана Юриевича с детьми и о казни князя Семена Ряполовского. Различия с сообщением Уваровской и сходных летописей сводятся к следующему.

¹ ПСРЛ, т. 28, М.—Л., 1963, стр. 331—332; т. 8, СПб., 1859, стр. 236; т. 6, СПб., 1853, стр. 243; т. 12, СПб., 1901, стр. 248—249; т. 20, ч. 1, СПб., 1910, стр. 369; «Иоасафовская летопись», М., 1957, стр. 137.

² ПСРЛ, т. 22, ч. 1, СПб., 1911, стр. 513—514; ИА, кн. VII, М., 1951, стр. 273.

Во-первых, Вологодско-Пермская летопись не дает точной даты событий. Во-вторых, говорится, что Патрикеевых «упросил... у смертные казни митрополит Симан да владыка». В-третьих, добавлено, что Патрикеевых повелено было «на Москве постричи в железех». В-четвертых, весь рассказ завершён новой записью: «Того же лета, апреля, поймал князь великий Иван Васильевич князя Василья Ромодановского да Ондreja Коробова Тферитина». Наконец, пожалование Новгородом сына Ивана III Василия датировано 29 июня³.

В Типографской летописи интересующая нас запись дана в очень краткой форме и помещена после сообщения о казни В. Гусева: «Лета 7000 седьмаго поймал князь великий князя Ивана Юрьевича да его детей, князя Василья да князя Ивана да зятя его князя Семена Ряполовского месяца генваря 31 день и стят бысть князь Семен Ряполовский месяца фев[раля] 5 день на память святыа мученицы Агафьи»⁴. О поставлении Василия Ивановича на великое княжение новгородское в Типографской летописи нет ни слова. Здесь же дается точная дата ареста Ряполовского и говорится о том, что он был зятем И. Ю. Патрикеева. В Устюжском летописном своде лаконично сказано: «В лета 7006 князь великий Иван Васильевич поймал в ызмене князя Ивана Юрьевича и сына его Василья Косово да князя Семена Ивановича Ряполовского»⁵. Сходные записи есть и в кратких летописцах⁶.

Причин опалы князей Ряполовского и Патрикеевых источники не излагают. Правда, в грамоте Ивана III русским послам (май 1503 г.) содержалось предупреждение: «вы бы во всем себя берегли; а не так бы есте чинили, как князь Семен Ряполовской высокоумничал князем Васильем княжим Ивановым сыном Юриевича». Иван III имел в виду посольство С. И. Ряполовского и В. И. Патрикеева в Литву, завершившееся заключением мирного договора и браком великого князя Литовского Александра с дочерью Ивана III Еленой⁷. В чем состояло «высокоумничанье» (т. е. своеволие) Ряполовского, можно только догадываться.

Глухие сведения о казни С. И. Патрикеева и пострижении В. И. Патрикеева приводит А. Курбский⁸.

Наконец, в Степенной книге приведено сообщение о том, что 21 марта 1499 г. Иван III «нарек... государем и великим князем» своего сына Василья. Причем «малым бо пред сим яко за два лета, неких

³ ПСРЛ, т. 26, М.—Л., 1959, стр. 291. См. также Я. С. Лурье, *О неизданной Холмогорской летописи*, — Сб. «Исследования по отечественному источниковедению», М.—Л., 1964, стр. 453. В сокращении это же сведение см.: Я. С. Лурье, *Краткий летописец Погодинского собрания*, — АЕ за 1962 г., М., 1963, стр. 443. Здесь поставление Василия датируется 29 июля, причем добавлено: «а князя Юрья на Дмитров, а князя Дмитрия Угличем».

⁴ ПСРЛ, т. 24, Пг., 1921, стр. 214. К этому тексту близок текст с небольшими дополнениями Владимирского летописца («детей князя Василья Косово да князя Ивана Мыныну»). В конце текста значится: «а князя Ивана Юрьевича да князя Василья... упросил митрополит Симан и владыки в чернци от казни» (ПСРЛ, т. 30, стр. 139).

⁵ «Устюжский летописный свод», М.—Л., 1950, стр. 100; в Кирилло-Белозерском летописце: «Лета 7007. Опала великого князя на бояре, на князя Ивана Юриевича з детьми, и князя Семена Ряполовского казнил» (А. А. Зимин, *Краткие летописцы*, — ИА, кн. V, М.—Л., 1950, стр. 36). Запись разрядных книг: «Того ж году января в день велел князь великий... переимать бояр своих князя Ивана Юрьевича да князь Семена Ивановича Ряполовского и велел князь Семена казнити на Москве-реке, а князя Ивана постриг у Троицы на Белоозере» (ГПБ, ОР, Эрм., № 390, л. 20).

⁶ ГИМ, ОР, собр. Щукина, № 668, л. 328 об. (М. Н. Тихомиров, *Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы*, М., 1962, стр. 35—36).

⁷ Сб. РИО, т. 35, СПб., 1882, стр. 138, 428 и сл.

⁸ РИБ, т. 31, СПб., 1914, стлб. 163, 272.

ради людских крамол гнев имея на них... Потом же великий князь испыта подробну вся преже бывшая крамолы, их же ради повеле князя Симиона Рязполовского казнити смертным посечением. Князя же Ивана Юрьевича и сына его князя Василья Косово для моления митрополича и владык милость над ним сотвори: смерти не предаст их. И отпущены бывшие и во иноческий чин облекошася, богоугодно поживе и разная времена и к богу отидоша»⁹. Итак, в Степенной книге возвышение Василя и казнь Рязполовского тесно связаны между собою.

В духе Степенной книги интерпретировали интересующие нас события Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев. Последний писал: «Летописцы говорят глухо, не объявляют, в чем состояли крамолы, измена Патрикеевых и Рязполовского; но нет сомнения, что эта измена и крамолы состояли в действиях их против Софии и ее сына в пользу Елены и Дмитрия внука»¹⁰.

Против подобной оценки событий выступил Я. С. Лурье. Он отвергает сведение Степенной книги, как позднейшее, считая, что оно возникло уже тогда, когда Вассиану Патрикееву нужно было приписать близость к давним врагам Василя III. Поэтому Я. С. Лурье не видит связи между опалами 1499 г. и известием о приближении княжича Василя Ивановича. Он обращает внимание и на то, что ведь «в начале княжения Василий III оказывал покровительство Патрикееву». По его мнению, опала на Патрикеевых вообще не связана с возвышением Василя Ивановича. О причинах ее он не пишет, ссылаясь только на сообщение посольских дел¹¹.

Приведя подробные сведения о длительной связи Патрикеевых с московским великокняжеским домом, Л. В. Черепнин обратил внимание на участие И. Ю. и В. И. Патрикеевых в 1495—1499 гг. в решении поземельных споров. Это привело его к выводу, что «в выработке проекта Судебника 1497—1498 гг. Патрикеевым принадлежала основная роль»¹². Причины их опалы Л. В. Черепнин связывает с «намечавшейся русско-литовской войной». Это очень важное наблюдение он подкрепляет сведениями о том, что «И. Ю. Патрикеев являлся сторонником русско-литовского сближения». Патрикеевы, по мнению Л. В. Черепнина, «принадлежали к партии Елены Стефановны, высказывавшейся против войны с Литвой»¹³. В рецензии на книгу Л. В. Черепнина автор этих строк считал Патрикеевых «противниками централизованной политики Ивана III» и их падение объяснял «борьбой Ивана III против реакционного боярства», т. е. против сторонников Дмитрия-внука¹⁴. Характеристика социальной сущности группировки Дмитрия-внука, данная в 1952 г., в настоящее время нам представляется ошибочной.

Гипотезу Я. С. Лурье принял К. В. Базилевич, хотя прямо на него он не ссылался. Опалу на Рязполовских и Патрикеевых, «убежденных сторонников примирения и сближения с Литвой», с династической борьбой К. В. Базилевич также не связывал. В лице этих княжат, по мнению К. В. Базилевича, «Иван III встретил оппозицию своим планам,

⁹ ПСРЛ, т. 21, ч. 2, СПб., 1913, стр. 572.

¹⁰ ИР, кн. III, М., 1960, стр. 63.

¹¹ Я. С. Лурье, *Первые идеологи Московского самодержавия*, — «Уч. зап. ЛГПИ», т. 78, 1948, стр. 97. Позднее Я. С. Лурье писал, что «опала Рязполовского — Патрикеевых была так или иначе связана с внешнеполитическими делами» (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—нач. XVI в.*, М.—Л., 1955, стр. 168).

¹² Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы XIV—XV веков*, ч. 2, М., 1951, стр. 308.

¹³ Там же, стр. 315, 316.

¹⁴ См. «Советская книга», 1952, № 4, стр. 66—67.

касавшимся вооруженной борьбы за русские земли с литовским господарем»¹⁵.

В рецензии на книгу К. В. Базилевича И. И. Смирнов отстаивает версию Степенной книги, считая, что «князья Рязполовские и Патрикеевы представляли собою самые верхи феодальной аристократии», которые «рассчитывали использовать малолетнего внука Ивана III Дмитрия для захвата власти в свои руки». Подробный рассказ Степенной книги, по мнению И. И. Смирнова, раскрывает то, что «стремились скрыть ранние летописные своды»¹⁶. И. И. Смирнов иллюстрирует свою мысль ссылкой на аналогичный рассказ Царственной книги о боярском мятеже 1553 г. позднейшего (сравнительно с Никоновской летописью) происхождения. Пример явно неудачный, ибо сугубая тенденциозность этого рассказа широко известна.

И. И. Смирнов не считает слишком большую самостоятельность С. И. Рязполовского и Патрикеевых в дипломатических делах причиной их опалы: ведь они принимали участие в переговорах с Литвою только в 1494—1495 гг., а позднее об их дипломатической деятельности нам ничего не известно. Казнь же С. И. Рязполовского в 1499 г. не могла быть карой за «высокоумничанье», допущенное пять лет назад.

Н. А. Казакова, как и И. И. Смирнов, считает, что «не доверять рассказу Степенной книги... нет никаких оснований». В умолчании летописей первой половины XVI в. о связи дела Патрикеевых с борьбой партий при дворе Ивана III она видит влияние заинтересованных лиц, «в руках которых находилась власть и волей которых определялось в значительной степени содержание и направленность летописных известий»¹⁷. Но мы бы все же не придавали такого значения источнику, составленному через шестьдесят с лишним лет после событий. Текст рассказа Степенной книги представляет собою простое осмысление ранних летописей; он не дает никаких новых деталей, которые бы свидетельствовали о наличии у автора не дошедших до нас источников. Мысль Н. А. Казаковой о связи Рязполовского и Патрикеевых с окружением Дмитрия-внука заслуживает внимания. «Опала Патрикеевых-Рязполовских, — пишет она, — была данью возвышающемуся Василию, но публичное объявление о причинах опалы (выступление Патрикеевых и Рязполовских в 1497 г. против Василия на стороне Дмитрия) могло бросить тень подозрения на Дмитрия» и поэтому не попало в летописи, составленные еще до опалы Дмитрия в 1500 г. Отсутствие же объяснения причин опалы в поздних летописях Н. А. Казакова объясняет тем, что они писались уже тогда, когда Вассиан Патрикеев стал фаворитом великого князя: «естественно, что в этих условиях напоминание о былой враждебности Патрикеевых Василию было неудобным»¹⁸.

Последнее звено построения Н. А. Казаковой рушится уже потому, что в основе Уваровской летописи находится летописный свод 1508 г., составленный еще в ту пору, когда Вассиан не пользовался покровительством Василия III. Летописец просто отредактировал имевшийся у него текст записи 1499 г., не внося в него никаких новых подробностей.

Н. А. Казакова привела достаточный материал, говорящий о близости Патрикеевых к Федору Курицыну, лидеру группировки, опиравшейся на кандидатуру наследника престола Дмитрия-внука. Так, Ф. Курицын ездил вместе с С. Рязполовским и В. П. Патрикеевым в

¹⁵ К. В. Базилевич, *Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века*, М., 1952, стр. 374.

¹⁶ См. ВИ, 1952, № 11, стр. 142—143.

¹⁷ Н. А. Казакова, *Вассиан Патрикеев и его сочинения*, М.—Л., 1960, стр. 44.

¹⁸ Там же, стр. 45—46.

мае 1494 г. в Литву для переговоров о мире¹⁹. Он, как и Патрикеевы, принимал литовских послов в августе 1494 г.²⁰ В 1497 г. Курицын и Патрикеевы присутствовали на отводе земель, промененных Иваном III волоцким князьям Федору и Ивану Борисовичам²¹. Наконец, Н. А. Казакова отмечает и следы влияния еретической идеологии на творчество Вассиана Патрикеева. Основной причиной опалы Патрикеевых, по ее мнению, «явилось участие их в династической борьбе на стороне Дмитрия»²².

«Династический кризис» в конце правления Ивана III привлек к себе внимание видного английского исследователя Джона Феннелла. Вслед за рядом советских исследователей он отвергает показание Степенной книги как источника для выяснения существа событий 1499 г. Дж. Феннелл не считает достаточным сведения о близости Патрикеевых и Ф. Курицына, чтобы говорить об их поддержке Елены и Дмитрия во время династического кризиса. Приведенные Л. В. Черепниным данные о поддержке Патрикеевыми борьбы Василия II и Ивана III с их удельными противниками также, по его мнению, не дают еще материала для характеристики их позиций во время событий 1497—1499 гг. В конечном счете Дж. Феннелл делает неожиданный вывод о том, что Ряполовский и Патрикеевы симпатизировали оппозиции, возглавленной Софьей и княжичем Василием, их опала в 1499 г.—удар по группировке Софьи Палеолог. Доводы его следующие. Как известно, Василий III, взойдя на престол, приблизил к себе Вассиана Патрикеева. Мог он, следовательно, симпатизировать ему и в более раннее время. Но приближение Вассиана произошло не в начале правления Василия III, а около 1510 г., т. е. после разрыва великого князя с осифлянами. Факт, на который ссылается Дж. Феннелл, говорит против его построения: Вассиан в первые годы княжения Василия III находился в опале.

Второй его довод заключается в том, что за опальных в 1499 г. ходатайствовал митрополит Симон, а поскольку он был противником еретиков, то должен был поддерживать Софью и Василия²³. С Симоном обстоит дело не так просто. В 1498 г. Симон «благословил» Дмитрия на великое княжение²⁴. В январе 1499 г. по его же «благословению» Иван III секуляризировал земли в Новгороде²⁵. Близость Симона к группировке Дмитрия-внука, как мы видим из приведенных фактов, казалось бы, несомненна. Симон подтвердил и духовную И. Ю. Патрикеева²⁶. Но это только на первых порах. На Соборе 1503 г. Симон решительно выступил в защиту монастырского землевладения. В 1504 г. он возглавлял собор, на котором были осуждены еретики²⁷. Послание Симона о соблюдении соборного приговора написано было Иосифом Волоцким²⁸. Покровительствовал волоцкому игумену митрополит и позднее, до ухода с кафедры (1511 г.). Во всяком случае ясно, что для характеристики позиции Симона в 1499 г. нельзя привлекать сведения 1503—1511 гг., относящиеся к совершенно иной политической обстановке. Колебания митрополита отражали изменения в соотношении сил при дворе Ивана III.

¹⁹ Сб. РИО, т. 35, стр. 138 и сл.; ПСРЛ, т. 24, стр. 212.

²⁰ Сб. РИО, т. 35, стр. 148, 150, 154.

²¹ ДДГ, М.—Л., 1950, № 89, стр. 344.

²² Н. А. Казакова, *Вассиан Патрикеев...*, стр. 48.

²³ J. L. I. Fennell, *Ivan the Great of Moscow*, London, 1961, pp. 339—352.

²⁴ ЧОИДР, 1883, кн. 1 отд. 1, стр. 34; ПСРЛ, т. 12, стр. 246—248.

²⁵ ПСРЛ, т. 12, стр. 249; «Псковские летописи», вып. II, М., 1955, стр. 252.

²⁶ ДДГ, № 86, стр. 349.

²⁷ ПСРЛ, т. 6, СПб., 1853, стр. 49, 244—245.

²⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, *Антифеодальные еретические движения...*, стр. 504—505.

Есть одно сообщение, заслуживающее специального анализа, — это рассказ Типографской летописи и свода 1497 г. о том, как Иван III призвал к себе митрополита и епископов и начал просить «у них прощения о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею его уморил»²⁹. Л. В. Черепнин обратил внимание на недописанную фразу Типографской летописи «Того же лета Симону митрополиту». Она помещена после записи о Судебнике и перед приведенным выше рассказом о «челобитьи» Ивана III митрополиту. Сопоставив ее с митрополичьим формулярником, он высказал предположение, что «митрополит Симон имел основания ходатайствовать в 1497 г. перед Иваном III за лиц, замешанных в заговоре детей боярских»³⁰. Предположение очень интересное, но еще нуждающееся в дополнительных доказательствах. Во всяком случае позицию Симона в 1447—1499 гг. нельзя считать провасильевской. Она была более аморфной.

Последний довод Дж. Феннелла — это казнь кн. В. В. Ромодановского, происшедшая месяц спустя после опалы на Патрикеевых и С. И. Ряполовского. Отец последнего Иван Андреевич Ряполовский был родным братом деда Ромодановского — Федора Андреевича Стародубского. Сам же В. В. Ромодановский — боярин князя Михаила Андреевича Верейского³¹, а сын последнего — Василий был женат на племяннице Софьи Палеолог. В 1484 г., опасаясь ареста, он бежал в Литву³². К сожалению, интересное наблюдение Дж. Феннелла не имеет однозначного объяснения, ибо мы не знаем, что послужило причиной опалы Ромодановского. Можно только заметить, что одновременно с Ромодановским «пойман» был «тверитин» Андрей Коробов. Это могло бы говорить о протверских симпатиях последнего, а отсюда о близости Коробова и Ромодановского к Дмитрию-внуку³³.

Казнь В. В. Ромодановского — одно из следствий отказа от мирной политики по отношению к Литве, сторонником которой он, очевидно, являлся. Еще в феврале 1495 г. Ромодановский был отправлен в качестве боярина в Литву вместе с дочерью Ивана III и Софьи — Еленой. Посольство возглавлял С. И. Ряполовский. Вернулся из Литвы Ромодановский осенью того же года³⁴. В марте 1498 г. его снова направили с посольством в Литву³⁵. Попытка упрочить мирные русско-литовские отношения не увенчалась успехом. В разрядах есть запись, помещенная под сентябрем 7007 (1498) г. о походе к Казани³⁶. После нее дан разряд, в котором перечислены четыре воеводы: С. И. Ряполовский, В. В. Ромодановский, С. Карпов, А. Коробов. Эта запись свидетельствует о близости Ромодановского и Коробова к Ряполовскому. Сохранил ли Ромодановский свои старые семейные связи с Софьей в 90-е годы, сказать трудно.

Итак, попытку Дж. Феннелла включить С. И. Ряполовского и Патрикеевых в состав окружения Софьи Палеолог нельзя считать удач-

²⁹ ПСРЛ, т. 24, стр. 213—214; т. 28, стр. 160. Андрей Васильевич Углицкий умер в ноябре 1493 г. (там же, стр. 212).

³⁰ Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы...*, стр. 297.

³¹ ДДГ, № 80, стр. 303—309, 311; № 82, стр. 358.

³² ПСРЛ, т. 24, стр. 203.

³³ А. А. Зимин, *О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма*, — Сб. «Абсолютизм в России», М., 1964, стр. 35.

³⁴ ПСРЛ, т. 28, стр. 160, 326; т. 26, стр. 289; Сб. РИО, т. 35, стр. 170, 172 и др. В 1490—1491 гг. В. В. Ромодановский ездил с посольством в Крым (Сб. РИО, т. 41, СПб., 1884, стр. 98 и сл.).

³⁵ Сб. РИО, т. 35, стр. 249.

³⁶ ДРК, стр. 24; ср. ПСРЛ, т. 28, стр. 332; «Разрядная книга 1475—1598», М., 1966, стр. 28 (далее — РК).

ной³⁷. Удар по группировке Софьи Палеолог буквально накануне поставления Василия Ивановича великим князем был бы более чем странным. Историю падения С. И. Ряполовского и Патрикеевых начинают событиями, происшедшими задолго до 1499 г.— речь идет об участии этих вельмож в заключении русско-литовского мира 1494 г. В Литву вместе с ними ездил и Федор Курицын. Позднее (в 1503 г.) Иван III сам писал о «высокоумничании» С. И. Ряполовского во время этих переговоров. В том, что Ряполовский и Патрикеевы были решительными сторонниками литовско-русского сближения, как будто сходятся все исследователи. Потомок Ольгерда Ю. И. Патрикеев и его друзья пользовались доверием литовских послов³⁸.

В 1503 г. Иван III был возмущен «небрежением нашему имени», допущенным С. И. Ряполовским и В. И. Патрикеевым. Это означало, конечно, что, по мнению великого князя, русские уполномоченные могли добиться большего успеха (в первую очередь территориальных уступок) во время переговоров. В начале XVI в. Иван III смотрел уже по-иному на условия мира, чем при его заключении, т. е. в 1494 г.

В январе 1495 г. в Литву был отправлен пышный кортеж невесты литовского великого князя Александра — Елены, дочери Ивана III и Софьи Палеолог. Невесту сопровождали бояре: кн. С. И. Ряполовский и М. Я. Русалка-Морозов. Боярином у княгини определили В. В. Ромодановского³⁹.

С октября 1495 г. С. И. Ряполовский, М. Я. Русалка-Морозов, В. И. Патрикеев находились вместе с великим князем в Новгороде. В начале 1496 г. Иван III выехал в Москву⁴⁰.

В декабре 1495 — январе 1496 г. В. И. Патрикеев и А. Коробов участвовали в походах против «свейских немцев», в августе среди воевод находился и В. В. Ромодановский⁴¹.

Попытка решить вооруженной силой давнишний спор со Швецией была оборотной стороной заключения мира с великим княжеством Литовским и договора о союзе с Данией (1493 г.) Н. В. Сеницына обратила наше внимание на активное участие в войне со Швецией В. И. Патрикеева (он фактически руководил всеми русскими силами, осаждавшими Выборг). Это, по ее мнению, свидетельствует о том, что Патрикеевы активно поддерживали программу мира с великим княжеством Литовским и войны со Швецией, т. е. были близки к группировке Елены Стефановны и Дмитрия-внука.

В мае 1496 г. С. И. Ряполовский, В. И. Патрикеев, А. И. Коробов и другие воеводы выполнили важные поручения Ивана III. Они были посланы с войском под Казань оказать помощь Магмет-Амию. В сентябре они уже выехали в Москву из Казани⁴².

³⁷ Интересно, что сам Дж. Феннелл справедливо находит черты близости в идеологии нестяжателей (а к ним принадлежит Вассиан Патрикеев) и еретиков (J. Fennell, *Of the Josephians and the Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judaisers*, — «The Slavonic and East-European Review», 1951, vol. 29, № 75, pp. 486—509).

³⁸ Сб. РИО, т. 35, стр. 64, 71—72 и др. Подробнее см: К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 372—373

³⁹ Сб. РИО, т. 35, стр. 159—173; ПСРЛ, т. 28, стр. 326.

⁴⁰ ПСРЛ, т. 24, стр. 242; ДРК, стр. 19; РК, стр. 24—25.

⁴¹ ДРК, стр. 22—23; РК, стр. 26—27; ПСРЛ, т. 28, стр. 377. По Вологодско-Пермской летописи Патрикеев осаждал Выборг в апреле 1496 г. (ПСРЛ, т. 26, стр. 290).

⁴² ПСРЛ, т. 28, стр. 328; т. 24, стр. 242. В разрядах указано ошибочно: «в мае 7005», т. е. 1497 г. (ДРК, стр. 23). Сообщение Разрядной книги о посылке С. И. Ряполовского против Урака в августе 1499 г. описка: надо читать — Семен Романович (ДРК, стр. 24; РК, стр. 28; ПСРЛ, т. 28, стр. 332). К. В. Базилевич ошибочно считает, что речь идет о посылке С. И. Ряполовского к Казани в августе 1498 г. (К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 373).

В июне 1497 г. отец и сын Патрикеевы вместе с Ф. Курицыным присутствовали на обмене земель Ивана III волоцкими князьями Федором и Иваном Борисовичами⁴³. Около февраля 1498 г. И. Ю. Патрикеев уже «Москву держал», т. е. был московским наместником⁴⁴. В сентябре 1498 г. С. И. Ряполовский с войсками посылался к Казани⁴⁵.

Вопрос об участии В. И. Патрикеева в решении поземельных споров нам представляется очень сложным. Правые грамоты конца XV — начала XVI в., упоминающие «князя Василия Ивановича», не имеют точной датировки. В это время было три князя Василия Ивановича, которым могла принадлежать высшая судебная санкция. Это — сын Ивана III, В. И. Патрикеев, и В. И. Голенин (последний разбирал поземельные споры главным образом в начале XVI в.). Поэтому придется разобрать все акты, имеющие отношение к деятельности «князя Василия Ивановича».

В архиве московской митрополии сохранилась выпись из писцовых книг кн. В. И. Голенина Переяславского уезда 1491/92 г.⁴⁶, выпись из писцовых книг Московского уезда 1498/99 г. кн. В. Голенина⁴⁷, грамота 4 августа 1492 г. (ее послух — кн. В. И. Голенин)⁴⁸. Но вот дальше начинаются неясности. «По грамоте княж Васильева Ивановичя» один суд судил С. Д. Короткого. Речь идет о сыне Ивана III, ибо «судья рекся доложить государя великого князя... и перед князем Васильем Ивановичем судья Семен Данилов список положил». Вторая подпись уже на грамоте сделана великим князем Дмитрием в марте 1498 г.⁴⁹. Грамота 1495—1499 гг. суда кн. Василья Ивановича также имеет в виду, очевидно, сына Ивана III, ибо у него на суде были бояре кн. Иван Юрьевич (Патрикеев) и Юрий Захарович⁵⁰; отец не мог быть «судным мужем» на процессе, разбиравшемся его сыном.

В архиве Троице-Сергиева монастыря также встречаются акты с прямой ссылкой на В. И. Голенина. Так, в меновой от декабря 1499 г. на земли Московского уезда упоминается «писец великого князя князь Василей Ивановичь»⁵¹. Это, конечно, В. И. Голенин, проводивший описание московских земель как раз в этом году. В судебном списке 1499—1502 гг. прямо называется судья «писец князь Василей Иванович Голенин». Грамота докладывалась великому князю всеа Руси Василию Ивановичу⁵². В. И. Голенин назван и в других актах (1503—1504 гг.)⁵³. В одном подтверждении акта И. А. Голубцов судью «князя Василия Ивановича» отождествил с В. И. Голениным. Он исходил из того, что акт относится к Переяславскому уезду, где в 1504 г. Голенин был писцом⁵⁴. Но в 1504 г. уже не было в живых Федора Курицына, который вместе с кн. Василием Ивановичем подписал эту грамоту⁵⁵. Таким образом, или подпись была сделана около 1491/92 г., когда Голенин впер-

⁴³ ДДГ, № 85, стр. 344.

⁴⁴ С. О. Шмидт, *Продолжение хронографа редакции 1512 г.*, — ИА, т. VII, М., 1951, стр. 272. Московским наместником около 1472 г. был еще его отец И. Ю. Патрикеев (АСЭИ, т. III, М., 1964, № 403).

⁴⁵ ПСРЛ, т. 28, стр. 332; ДРК, стр. 24.

⁴⁶ АФЗиХ, ч. I, М., 1951, № 22.

⁴⁷ Там же, № 39.

⁴⁸ Там же, № 36.

⁴⁹ Там же, № 117.

⁵⁰ Там же, № 123. В издании — В. И. Патрикеев.

⁵¹ АСЭИ, т. I, М., 1952, № 624.

⁵² Там же, № 628.

⁵³ Там же, № 643, 649.

⁵⁴ Там же, № 427, стр. 316.

⁵⁵ Сама купчая грамота датируется 1474—1475 г., и подпись Курицына относилась не к ее первоначальному тексту, а к подтверждению.

вые составлял писцовые книги в Переяславле, или перед нами какой-то иной Василий Иванович.

Целую группу грамот, датированных 1495—1499 гг., И. А. Голубцов связал с В. И. Патрикеевым⁵⁶. Однако определенных данных для этого нет. Князя Василия Ивановича можно отождествить и с сыном Ивана III⁵⁷ (см., например, грамоту от апреля 1496 г. о размежевании ярославских земель, явно выданную будущим Василием III⁵⁸).

Ряд ярославских грамот около 1495—1497 гг. прямо связывается с сыном Ивана III⁵⁹. Так, в двух из них прямо говорится, что «судья рече деложити государя великого князя», а далее речь идет о князе Василии Ивановиче⁶⁰. Великим князем мог быть назван только княжич Василий.

Князя Василия Ивановича, руководившего отводом на Белоозере в 1492 г., И. А. Голубцов отождествляет с Голениным, занимавшимся писцовым делом⁶¹. Дело в том, что Голенин в актах называется по фамилии, кроме случаев, когда он упоминается как «писец князь Василий Иванович»⁶². Нет достаточных оснований связывать с Патрикеевыми грамоту 1497—1498 гг. на суздальские земли⁶³.

Итак, в настоящее время мы не можем с уверенностью сказать об участии В. И. Патрикеева в решении поземельных споров 1496—1498 гг. Это, конечно, досадно. Ведь положительное решение этого вопроса дало бы дополнительные данные, которые могли бы объяснить становление его нестяжательских взглядов.

Конец XV в. — время обострения классовой борьбы; одной из ее причин была борьба черносошного крестьянства за землю. Правительство Ивана III, изыскивая средства для испомещения служилого люда, проводило секуляризационные мероприятия в новоприсоединенных землях. О ликвидации крупного монастырского землевладения в Новгороде писалось много⁶⁴.

В 1490 г. многие земли («что были поймали передние владыки пермские и владыка Филофей») передавались «в тягло Вологоцкой земле». Эту секуляризационную грамоту подписал Федор Курицын⁶⁵. В 90-х годах производится описание земель центральных уездов (Переяславского, Московского, Юрьевского, Дмитровского, Владимирского и др.), во время которого проверялись права землевладельцев на их вотчины⁶⁶. Великокняжеская власть снисходительно смотрела на пре-

⁵⁶ АСЭИ, т. I, № 582—592, 594, 595.

⁵⁷ Интересно, что дьяк Алеша Безобразов (подписавший грамоты № 585, 587, 588, 590, 591, 592, 594, 595) подписал и грамоту ок. 1500—1501 г. (№ 635), упоминавшую «князя Василия Ивановича», которого И. А. Голубцов отождествил с Голениным. Нам кажется вероятнее сопоставить этого князя с сыном Ивана III. А. Безобразов подписывал подтверждение Ивана III 1492—1493 г. (№ 519); грамоту 1495—1499 гг., которую мы связали с сыном Ивана III (АФЗиХ, ч. I, № 129), правую 1497—1498 г. с доклада Дмитрию-внуку (там же, № 259), подтверждение 1490—1491 г. Василия Ивановича, сына Ивана III (АСЭИ, т. II, М., 1958, № 271), правую грамоту июля 1504 г. (там же, № 428).

⁵⁸ АСЭИ, т. III, № 215.

⁵⁹ Там же, № 208—210. Это признает и И. А. Голубцов (там же, стр. 225).

⁶⁰ Там же, № 208, 209.

⁶¹ АСЭИ, т. II, № 290.

⁶² АСЭИ, т. I, № 624. По фамилии Голенин назван в грамотах ок. 1498—1499 г. (АСЭИ, т. II, № 418, 419, 421; АСЭИ, т. I, № 643, 649), ок. 1499—1502 (АСЭИ, т. III, № 502), а также в грамотах 1502 г. (АСЭИ, т. II, № 336—338).

⁶³ АСЭИ, т. II, № 492.

⁶⁴ См. В. Н. Бернадский, *Новгород и Новгородская земля в XV веке*, М.—Л., 1961.

⁶⁵ АСЭИ, т. III, № 291^б. Его брат Волк Курицын в 90-е годы подписал одну из правых грамот (там же, № 209).

⁶⁶ В 1491—92 г. описана была Тверь (ПСРЛ, т. 28, стр. 156).

тензии черносошного крестьянства к монастырям, тщательно расследуя их во время многочисленных судебных разбирательств конца XV в.

Если участие В. И. Патрикоева в поземельных процессах 90-х годов XV в. проблематично, то данные о судопроизводственной деятельности его отца (московского наместника) многочисленны⁶⁷. Атмосфера секуляризационных мероприятий Ивана III, бесспорное причастие к ним И. Ю. Патрикоева подкрепляют гипотезу о близости Патрикоевых к кругу Дмитрия-внука и Федора Курицына, являвшегося одним из вдохновителей великокняжеской политики в 90-е годы XV в. Позднее, ратуя за недопустимость монастырского землевладения, Вассиан Патрикоев использовал житейские впечатления, относящиеся к концу XV в.⁶⁸

Есть еще одна нить, позволяющая распутать сложный клубок окружения Патрикоевых. В одном летописце помещено лаконичное сведение о том, что в Кириллове монастыре «пострижен Майков друг Иван Гаврилов сын Заболоцкий». Здесь же сообщается, что в 1502—1503 г. «Ниллов брат Андрей преставился»⁶⁹. Так как фамилия Нила Сорского была Майков («Нил, пореклу Майков») ⁷⁰, а известного дьяка Ивана III Майка звали именно Андреем, то исследователи делают естественный вывод, что Нил был братом Андрея Майкова⁷¹ («родом от великого града Москвы скорописец, рекше подьячий»).

Андрей Федорович Майков — один из старейших государевых деятелей при дворе Ивана III. Он в качестве дьяка начал свою карьеру в последние годы правления Василия Темного⁷². Некоторое время он находился в окружении вдовы Василия II, княгини Марии⁷³. В поземельных делах он редко принимал участие⁷⁴. Зато Майков принадлежал к

⁶⁷ Он присутствовал на судебных заседаниях и разводах земель, проводившихся самим Иваном III: в 1462—1484 гг. (АСЭИ, т. I, № 330, 642), 1465—1469 гг. (АСЭИ, т. II, № 381), 1473—1489 гг. (АФЗиХ, ч. I, № 249), 1475—1476 г. (АСЭИ, т. II, № 229), 1472—1476 гг. (там же, № 467^a); подписывал жалованные и указные грамоты в начале великого княжения Ивана III — в 1463 г. (АСЭИ, т. III, № 97), в июле 1462 г. (там же, № 229); был на докладе у Ивана III, 1474—1475 г. (АСЭИ, т. I, № 430) и, возможно, у Василия в 1495—1499 гг. (АФЗиХ, ч. I, № 129). Сам он судил поземельные споры еще в 1453—1462 гг. (АСЭИ, т. II, № 496), затем в 1485—1490 гг. (там же, № 400), 1490 г. (там же, № 402), 1494—1499 гг. (там же, № 410); но особенно часто ему докладывались судебные дела: в 1474—1484 г. (АСЭИ, т. I, № 446), 1485—1489 гг. (АСЭИ, т. II, № 399), 1490—1491 г. (АСЭИ, т. I, № 549), 1490—1498 гг. (АСЭИ, т. II, № 404, 405), после 13 августа 1494 г. (там же, № 409), 1494—1498 гг. (там же, № 411, 412), в сентябре 1496 г. (АСЭИ, т. I, № 604), 1496—1498 гг. (там же, 607, 607^a). Сохранились и поземельные акты самого И. Ю. Патрикоева: данная 1457 г. (АФЗиХ, ч. I, № 30), меновная 1476—1482 гг. (АСЭИ, т. II, № 247).

⁶⁸ Об участии С. И. Ряполовского в московском судопроизводстве сведений нет. Возможно, потому, что он считался удельным князем (см. его грамоты 1447—74 и 1474—78 гг. в АСЭИ, т. I, № 350, 436). Неясные сведения о кн. Семене Ивановиче как суздальском наместнике (АСЭИ, т. III, № 409—410) относятся к 70-м годам (Е. И. Колычева, *Полные и докладные грамоты XV—XVI вв.* — АЕ за 1961 г., М., 1962, стр. 46—47). В конце XV в. жило двое князей С. И. Ряполовских: Молодой (АСЭИ, т. I, № 374) и Хрипун (его дядя). Впрочем, в 90-х годах Хрипун, очевидно, уже умер (в разрядах Ф. С. Хрипун упомянут в 1496 г. — ДРК, стр. 23).

⁶⁹ Н. Никольский, *Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря*, СПб., 1897, стр. XL.

⁷⁰ «Послания Иосифа Волоцкого», М.—Л., 1959, стр. 367.

⁷¹ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 296; F. Lilienfeld, *Nil Sorskiij und seine Schriften*, Berlin, 1963, S. 71.

⁷² Ср. в актах 1453—1455 г. (АСЭИ, т. III, № 266).

⁷³ Ср. в акте 1474—1478 г. (там же, № 268), 1477—1482 г. (АСЭИ, т. II, № 249). В одном из списков грамоты вологодского князя Андрея Васильевича (ок. 1480—81 г.) стоит подпись: «Майко», а в другом: «дьяк Федор Мячков» (АСЭИ, т. III, № 270). В грамоте ок. 1462—1470 гг. княгини Марии с подтверждением того же князя Андрея, известной по дефектной публикации, есть неясная подпись: «Федор Мяка» (там же № 256).

⁷⁴ См. грамоту 1490—1491 г. (АСЭИ, т. I, № 549).

наиболее видным дьякам Боярской думы. Вместе с Федором Курицыным участвовал в литовских переговорах 1494 г., ездил с миссией в Литву в 1495 г. и занимался решением литовских дел вплоть до 1501 г.⁷⁵ В 1497 г., решившись посмертно восстановить добрую память кн. Андрея Васильевича, Иван III послал к митрополиту боярина Дмитрия Владимировича и Андрея Майкова как своих доверенных лиц, прося Симона явиться на великокняжеский двор⁷⁶.

Не менее интересна фигура И. Г. Заболоцкого. Во второй половине XV в. Заболоцкие принадлежали к высшей московской знати. Двоюродный дядя Ивана Гавриловича, Григорий Васильевич Заболоцкий, был боярином уже в первые годы правления Ивана III⁷⁷. Его дети исполняли важные правительственные поручения. Петр (Лобан) и Константин ездили в августе 1492 — апреле 1493 г. с посольством в Крым⁷⁸. В 1493 г. к графу мазовецкому Конраду был отправлен третий из братьев Василий (Асанчук)⁷⁹. В июле 1498 г. для ведения переговоров «с немцами» ездили К. Г. Заболоцкий и Волк Курицын⁸⁰. Петр и Василий принимали участие в приемах литовских послов в 1494 г., а Константин и Алексей в январе 1495 г.⁸¹. Получив чин окольного, Петр Заболоцкий в 1495 г. ездил в свите княгини Елены в Литву, а несколько позднее сопровождал вместе с братом Василием и Алексеем Ивана III в Новгород⁸². Позднее П. Г. Заболоцкий описывал Владимир (1498—1499) и тогда же судил поземельные дела⁸³. Его брат Константин в 1497—1498 гг. описывал Юрьев и также в конце XV в. судил поземельные споры⁸⁴. Их троюродный брат Василий Михайлович Чертенко-Заболоцкий описывал Ростов еще в 1490—1491 гг.⁸⁵ и выступал судьей в это же время⁸⁶. В конце XV в. известно было еще несколько Заболоцких (дети боярские Петр Федорович Черленого и Иван Александрович Данилов ездили с Еленой в Литву в 1495 г.)⁸⁷.

Перед нами, следовательно, представители все той же придворной знати (к которой принадлежали Ряполовский и Патрикеевы), занимавшиеся решением важнейших внешнеполитических и внутренних задач, встававших перед русским правительством в конце XV в.

Заболоцкие были связаны с Ряполовским и Патрикеевыми не только совместной службой при дворе, но и дальним родством. Так, двоюродный брат С. И. Ряполовского Василий Мних был женат на дочери Ивана Ивановича Заболоцкого (троюродной сестре боярина Григория Васильевича Заболоцкого)⁸⁸. Деятельность Петра (Лобана) и Василия Асанчука обрывается на 1499 г., т. е. тогда же, когда был казнен

⁷⁵ Сб. РИО, т. 35, стр. 114, 204, 318 и др. Ездил в 1497 г. по поручению великого князя к Симону (ПСРЛ, т. 28, стр. 160). О его участии в казанских делах сохранилась краткая заметка в Описи царского архива («Описи царского архива XVI века», М., 1960, стр. 26).

⁷⁶ ПСРЛ, т. 28, стр. 160.

⁷⁷ АФЗиХ, ч. I, № 103; АСЭИ, т. I, № 288; т. II, № 385^a.

⁷⁸ Сб. РИО, т. 41, стр. 156 и сл.; ПСРЛ, т. 28, стр. 156—157, 322.

⁷⁹ Сб. РИО, т. 35, стр. 90 и сл. Он в 1492 г. передавал память К. Г. Заболоцкому (Сб. РИО, т. 41, стр. 164).

⁸⁰ ГПБ, Эрм., № 386, л. 19.

⁸¹ Сб. РИО, т. 35, стр. 113, 162.

⁸² Там же, стр. 134; ДРК, стр. 19, 20; РК, стр. 24. П. Заболоцкий упомянут еще в 1498 г. (Сб. РИО, т. 35, стр. 270).

⁸³ АФЗиХ, ч. I, № 166, 192, 206.

⁸⁴ Там же, № 114, 165; АСЭИ, т. I, № 615; т. II, № 414, т. III, № 105.

⁸⁵ АФЗиХ, ч. I, № 12.

⁸⁶ АСЭИ, ч. II, № 406.

⁸⁷ Сб. РИО, т. 35, стр. 164.

⁸⁸ «Родословная книга князей и дворян», ч. II, М., 1787, стр. 43, 77.

С. И. Ряполовский. Константин Григорьевич в 1503 г. стал окольным и умер после 1512 г.⁸⁹

Итак, С. И. Ряполовский, Патрикеевы и их окружение (в состав которого входили Заболоцкие, дьяки Федор Курицын, Андрей Майков) являлись теми лицами, которые в 90-е годы XV в. осуществляли курс политики Ивана III. Его кульминацией была коронация Дмитрия-внука на великое княжение в 1498 г. Падение С. И. Ряполовского и Патрикеевых означало поражение той политической линии, за осуществление которой боролся Федор Курицын и его сподвижники.

Но вернемся к тому, с чего мы начали, — к анализу летописного рассказа свода 1508 г. о событиях 1499 г. В последнее время доказано, что в распоряжении исследователей есть более ранний вариант летописной записи 1499 г., составленный еще до окончательного торжества княжича Василия. Оказывается, летописный свод 1539 г. (представленный списком Дубровского и некоторыми другими) сохранил до нас текст великокняжеского свода 1500 г.⁹⁰ Известия о казни С. И. Ряполовского и опале Патрикеевых, о пожаловании Василия Ивановича помещены здесь ошибочно под 7001 г., но сохранили наиболее раннюю версию великокняжеского летописания конца XV в., которая позднее подверглась тщательному редактированию⁹¹. Так, в позднейшей (1508 г.) редакции этого сведения снято наименование И. Ю. Патрикеева «московским наместником». Опущено известие о том, что митрополит Симон «печаловался за опальных». Особенно важно замечание свода 1500 г. о Василии Ивановиче, которому в 1499 г. Иван III «вины... отдал». Я. С. Лурье справедливо пишет, что «трактовка опалы Василия в 1497—1498 гг., как заслуженного наказания за „вину“, могла иметь место в официальной летописи только до 1500—1502 гг. (когда Дмитрий был лишен звания великого князя Московского и всея Руси и наследником стал Василий)»⁹². Но не менее существенны еще два обстоятельства. В своде 1539 (1500) г. рассказ о пожаловании Василия идет непосредственно после сообщения об опале на Ряполовского и Патрикеевых, тогда как в Уваровской и сходных летописях он перебивается другими сведениями. Следовательно, первоначальная связь событий позднее была нарушена. В поздних летописях сняты некоторые детали, которые рисуют опальных в выгодном свете. После утверждения княжича Василия у кормила правления даже тень симпатии к опальным вельможам не поощрялась. Не случайно уже в 1503 г. Иван III счел уместным сослаться на «дурной пример» вольноумничанья С. Ряполовского.

Судьба рассказа 1499 г. в русском летописании начала XVI в. является новым доказательством того, что опала на Патрикеевых связа-

⁸⁹ А. А. Зимин, *Состав боярской думы в XV—XVI веке*, — АЕ за 1956 г., М., 1958, стр. 48. В 1512 году упоминается в последний раз в разрядах и Алексей Григорьевич Заболоцкий (ДРК, стр. 46; РК, стр. 46). В 1515 г. он ездил послом к Максимилиану (ПСРЛ, т. 28, стр. 351).

⁹⁰ Я. С. Лурье, *Из истории русского летописания конца XV в.*, — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 180—181; С. Н. Азбелев, *Новгородские летописи XVII в.*, Новгород, 1960, стр. 24.

⁹¹ «В лето 7001 генваря велел князь великий поимати бояр своих, князя Ивана Юрьевича наместника Московского да его детей князя Василья Косого да Ивана Мыныну да зятя князя Иоанна Юрьевича князя Семена Ивановича Ряполовского и казниша его на Москве реки пониже мосту, съсекоша ему головы, февраля 5, вторник, а князя Ивана Юрьевича пожаловал, по печалованию Симона митрополита всея Руси и архиепископа и владык смертныя ему казни не предал, отпустил их с сыном, князем Васильем Косым в черньцы; а князя Иоанна Мыныну велел посадить за приставы» (ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. II, Л., 1925, стр. 531; т. 12, стр. 264; т. 6, стр. 279; ГИМ, собр. Уварова, № 568, лл. 401—401 об.). Прокурсивленные нами места отсутствуют в летописях, восходящих к своду 1508 г.

⁹² Я. С. Лурье, *Из истории русского летописания...*, стр. 181.

на с возвышением княжича Василия и началом конца «эры Дмитрия-внука» при дворе Ивана III.

Непосредственная причина падения Ряполовского и Патрикеевых — крах политики умиротворения, осуществлявшейся правительством Елены Стефановны. Мирный договор 1494 г. не принес решения большой проблемы русско-литовских отношений. Значительная часть русских, украинских и белорусских земель продолжала оставаться в составе Великого княжества Литовского. Задача их воссоединения в едином государстве настоятельно отвечала насущным интересам России. В таких условиях уже после 1495 г. С. И. Ряполовский и Патрикеевы были фактически устранены от переговоров с князем Александром Литовским. Весь 1498 год, предшествовавший падению этих когда-то всемогущих вельмож, наполнен русско-литовскими спорами, которые разрешились в конечном счете только новой войной (1500—1503 гг.).

Таковы были обстоятельства, вызвавшие в 1499 г. падение С. И. Ряполовского и Патрикеевых и приход к власти Василия Ивановича, который после смерти Ивана III стал его наследником на русском престоле.